ТРАНСФОРМАЦИЯ УСТОЕВ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УДК 316.42 (470+571)

В.А. ЖИЛИНА

Усложнение процессов социального развития проявляет себя в возрастании проблем, противоречий, встающих перед современным человечеством. В процессах ускорения социального времени и вследствие этого постоянного ощущения его нехватки решение таких проблем, зачастую, больше ориентируется на конъюнктуру дня, чем на выявление сути их появления. Как результат, назревает разрыв между видимым и сущим в теоретическом анализе, который является основным средством преодоления неблагоприятных состояний общества. Неэффективность теоретических решений, в свою очередь, усугубляет кризисные явления в социуме. Так, противоречивость, несбалансированность состояния российского общества заставляет постоянно корректировать развитие различных сфер. Однако на сегодняшний день предпринимаемые реформы малоэффективны и не оправдывают ожиданий. Социальная действительность обнажает потребность в комплексном анализе собственной сущности, что свидетельствует о необходимости возрождения фундаментальных социальных исследований социума. В частности, для преодоления негативных социальных тенденций в России необходимо четкое видение реальных процессов трансформации сущностных черт ее цивилизационной специфики.

Одним из главных факторов развития любой цивилизации выступает законность как форма организации социума. Этот консолидирующий элемент общества одновременно является и критерием его стабильности, и показателем зрелости. Другими словами, по состоянию и действенности правовых законов прослеживается динамика социальных процессов в целом. А вследствие формальности выражения права при универсальности действия норм правовая реальность демонстрирует степень социальной адаптивности ее носителей. Этим обусловлено стремление через преобразование этой сферы сущностно изменить статус социума. Закономерно и обратное: любая форма реформирования либо косвенно, либо явно затрагивает сферу законности. Помимо этого в процесс подвижности правовой реальности в настоящее время постоянно вмешивается заимствование социального опыта других этносов в регулировании права вследствие интегративности современного социального развития, что рождает иллюзию менее затратного реформирования за счет избегания наиболее распространенных ошибочных решений. Но любое развитие – это отражение, прежде всего, преемственности, и отказ от традиционности приводит к перекосам и негативным последствиям в нем. Отчасти именно в неадекватности рассмотрения процессов трансформаций правовых основ российского общества и заключены реальные причины социального неблагополучия России.

Специфика русской государственной законности определена, конечно, своеобразием истории России и в самом общем плане может быть определена как прямая ориентация закона на нравственность. К сожалению, этот известный факт сегодня перестает быть таковым и становится исключительно сиюминутным наблюдением. Это качество правовой реальности и юридического поля констатируется только в качестве уникальности, понятой как внешняя непохожесть. Тогда как исторически сложившаяся суть становления, функционирования закона напрямую определяет функционирование общества в целом. Аргументируем это через раскрытие некоторых косвенных черт развертывания правовой реальности.

Своеобразный симбиоз морали и права приводит к тому, что русский закон в своей легитимности ориентирован не столько на правовую норму, сколько на «правду». Но даже в таком поверхностном рассмотрении нельзя упускать момент различия морали и нравственности. Нравственность следует понимать как уникальное в диалектике общего морали и единично личностного. Русская законность сращена именно с нравственностью. Исторически в России нравственность религиозна. Отсюда именно такой статус закона обуславливает историческое переплетение судеб церкви и государства. При этом стоит отметить, что традиция российской государственности очень деликатно соединяла в себе светскость и духовность. Так, Соборное

уложение 1649 года, казалось бы, своим названием уже должно предполагать церковную ориентированность государства. Но на деле это светский документ. И до петровских реформ, которые четко разграничили правовую и нравственную реальности русского государства, власть царя и власть церковного лидера юридически не зависели друг от друга. Да, большинство подданных были православными, и христианские законы во многом определяли их уклад, но это мирно уживалось с исполнением государственного закона. Однако именно указание на соборность позволяет увязать несовместимые в европейском укладе правовые и нравственные нормы, в частности, через соборную ответственность людей друг за друга. Русский Дух столетиями формируется так, что преступление юридической нормы общественным сознанием воспринимается как преступление против Бога, который олицетворяет собой прототип европейского категорического императива. И здесь мы выходим уже в качественно иную сферу общественного развития – мораль. Именно специфика законности определяет действие другого регулятора общественных отношений – моральной нормы. В отличие от европейского сознания, где императивность морального закона внешне принудительна до трансцендентности, в русской культуре она формируется велением сердца народа как трансцендентальная черта цивилизации. Идеологически извращенный миф, рожденный в недрах европеизированного восприятия русской культуры, о некоторой варварской окраске русских, их кровожадности в исполнении наказаний и просто гражданского долга нежизнеспособен, так как разбивается о реальные исторические факты. Изначальное отношение к человеку как твари Божьей, например, определяло суть отношения русского менталитета к смертной казни. Русское сознание первоначально лишено категоричности дилеммы Запада: допустить или не допустить такой вид наказания. Оно принципиально иное. Да, например, смертной казни до XVII века подлежал тот, кто допускал в речи инфернальную лексику. Но данная процедура наказания вовсе не внешнее средство возрождения порядка в обществе. Причины суровости наказания в том, что матерная речь ассоциируется с языком Сатаны. При этом сам матерящийся трижды проклинает себя, а не общество: он богохульствует, оскорбляет собственную мать и напрямую обращается к Сатане. Поэтому правовое наказание идет не от общества, а от самого преступившего норму. Человек наказывает сам себя. По формальным признакам развертывания общей нормативности в аналогии с чертами западной цивилизации допетровская Русь наиболее отвечает требованиям демократического общества. Мнение социума легитимно наравне с мнением правителя. Отношение правителя к народу выступает критерием эффективности функционирования государства. Наказанию наиболее опасных преступников (с точки зрения устойчивости естественного права) предшествует увещевание, попытки перевоспитания (например, гонения протопопа Аввакума).

В анализе современных цивилизационных процессов необходимо учитывать и общую этническую уникальность Духа культуры. Отечественная культура немыслима без пресловутой «русской идеи», где в центре – личность, вернее, ее мечты и чувства, через которые пропущены народно-исторические темы. Идея становится онтологической силой, ведущей к абсолюту, понимаемому трансцендентно. Формируется особая «миссия» русского народа, весьма схожая с функциями «Мессии». Возникает острое противоречие: потребность в чуть ли не божественном содержании души, в конце концов, воплощается в цели опустошения внутреннего мира, выраженного в четкой регламентации всего и вся. Одновременно это детерминирует своеобразное пассивное сопротивление любому западному заимствованию. Русское сознание способно «принять» правила игры, но никогда не сможет раствориться в «чужом», даже если оно внешне более привлекательно, чем свое. Этим объясняется и терпение, и мудрость русской культуры в целом, ошибочно принимаемые Западом за вялость восприятия, медлительность «русского медведя». Напротив, за этими чертами скрывается бунтарская составляющая русской культуры: от прямого разрушения, втягивающего в себя по принципу вихря все социальное бытие, до бескровной саботажной трансформации в абсолютную противоположность.

Даже такой краткий анализ позволяет понять ложность пути насильственного приобщения к любой иной форме нормативности. Это отчетливо видно, например, на отношении российского общественного сознания к концепциям правового государства и гражданского общества. Они отчасти справедливо воспринимаются русским общественным сознанием как привитие европейской формы правовой нормы. В качестве концепций они «западны», так как это модели общества. Другое дело, что как реальные способы государственного устройства они никогда не

исключались из действия российской государственности. Но в нынешнем обществе они позиционируются именно как заимствование развитых правовых форм, способных вывести страну на новый уровень развития. Поэтому разговоры о правовом государстве и гражданском обществе так и остаются в России на уровне спекулятивных рассуждений, вызывая зачастую скрытое неприятие и сопротивление со стороны социума. Общественное сознание, чувствуя искусственность, нарочитую модельную отстраненность таких концепций, попросту их не приемлет. Как следствие, откровенно буксуют не только реформы и правовой, и смежных социальных сфер, но и не получают развития такие благие дела как, например, благотворительность. А ведь традиционно благотворительность можно было считать существенной чертой специфики развития российского этноса. Дело в том, что в России этот феномен всегда имел иную, не нарочитую форму, направленную на пиар, а шел от души, когда даритель не рекламировал себя, а «служил Божьему делу».

Обратим внимание на своеобразную обратную связь. Нарушение преемственности развития, нарушение естественных процессов изменений устоев цивилизации негативно трансформирует, в конце концов, и сам механизм таких властных решений. Ведь не законодательная, не исполнительная власть так и не обнародовали до сих пор стройную концепцию гражданского общества и, соответственно, принципы правового государства. Поэтому, если на Западе формальный запрет (то есть принятие юридического закона, который закрепляет собой формальную норму поведения) против ненормативной лексики или возрастных ограничений доступа к определенным видам информации является эффективным способом регулирования состояния информативного поля, то в России такие меры вряд ли будут результативными. Истоки проникновения паразитарного слоя языка в детское сознание в условиях русского менталитета нужно искать в потери смыслового компонента русской культуры. Мат не возникает без причины. Это попытка заделать бреши, пустоты в культурном становлении, где человек по-западному все более размывается, а на его место ставится его Величество Симулякр. Альтернативой смыслу становится бессмысленность языка. Отсюда поистине бездумное отношение к поступающей информации, которая вредна скорей не своим содержанием, а способом отношения к ней, когда она воспринимается как картина мира вне связи с самим миром. Поэтому начинают возникать опасения в отношении даже социально безопасных явлений. Сопровождается это нарастанием директивно закрепительных норм регулирования поведения. Наглядным примером служит обязательный возрастной ценз при обнародовании любой информации. А вот в советском менталитете мультфильм «Ну, погоди!» не способен был привить отрицательные ценностные отношения к жизни и к себе подобным, хотя формально элементов насилия, других асоциальных явлений здесь можно зафиксировать множество. Более того, восприятие теми детскими поколениями было способно критично смотреть мультфильм: в разряд «хороших» попадали и заяц, и волк в зависимости от ситуаций. В случае потери смысловой составляющей общества, что наблюдается сегодня в русской культуре, понятие информационной безопасности само по себе становится бессмысленным. Размыто понятие «хорошего» и «плохого», следовательно, нет стержня в духовном восприятии, которое и есть истинный заслон от чуждой для данного сознания информации. Голубой щенок ранее заставлял думать о смысле собственной непохожести, теперь – это просто символ изгоя. Западная культура, взращенная иной формой регуляции норм поведения, такую трансформацию, в принципе, способна принять безболезненно. Русская регулятивность общественных отношений требует присутствия в этих отношениях *Я*, самосознания, а носитель этих отношений все более утрачивает чувство собственной идентификации. Происходит надлом, который намного страшней любого экономического неблагополучия.

Обозначенные проблемы отчетливо свидетельствуют о насущной необходимости обращения к истокам самой цивилизации. Вне понимания сути трансформации устоев российского общества становится невозможным решение насущных проблем государства.